

Моим малышам посвящаю

ГЛАВА 1

Возвращение

Проходит лик мира сего.

Достоевский

Возникали, исчезали и вновь ставились вопросы: «Что есть Человек?», «Что есть Истина?»¹. Ответы были, но их благополучно забывали по причине короткой памяти. Потому и называли их «вечными», что не имели эти вопросы четкого ответа. Вспышки мысли порой освещали горизонт, но гомо сапиенс зажмурился глазами и продолжал идти не туда или шараялся в сторону.

Удивительно ли, что на исходе XX в. звучат, только более тревожно, те же вопросы: «Что есть мир?», «Что есть человек?», «В чем его предназначение?», «Как они связаны между собой — мир и человек?», «Что бывает, когда эти связи нарушаются?». Может быть, инстинкт светобоязни мешал просветлению умов? Как животные боятся огня, так непросветленный ум боится света. Страх перед беспредельным, перед бесконечностью, неопределенностью, страх заглянуть в себя бывает сильнее инстинкта жизни. А почему? Люди страшатся одиночества, боятся остаться наедине с собой, увидеть себя без маски, такими, как есть. Оттого ищут занятий, законов, сотоварищей. А может быть, не стоит бояться, может быть, в глубине человек лучше, чем на поверхности? Может быть, за тысячелетия в нем накопилось не только плохое, но и хорошее? Говорят же на Востоке: «Каждый человек — будда, просветленный, только не каждый понимает это».

Настало время ответить на эти вопросы, чтобы выжить, не впасть в изначальный Хаос. И опять вопрос: «А изначален ли Хаос?» Если Хаос изначален, то плохи наши дела, ибо «все возвращается на круги своя», или, по Лао-цзы, — дао возвращается к своему истоку. Значит, стоит задуматься, что же было в Начале, если все к нему возвращается. Есть время забывать, есть время вспоминать забытое, время прощания с прошлым и время возвращения к нему. Но «времени больше нет», или оно дает последний шанс: познаешь себя — останешься жить, не познаешь — исчезнешь с лица земли. В предощущении этого напрягается память, до сих пор не очень себя утруждавшая: «Иссохшее русло реки не знает благодарности к своему прошлому»²; или как говорили древние: «Если чтить предков, с моралью у народа будет все в порядке» [«Луньюй», XI]³.

В преддверии XX в. мир пребывал в горячке. Те, кто ощущал приближение кризиса, взял на себя бремя вины и ответственности. Разуверившись в будущем европейской цивилизации, вопреки фактам, вопреки ее умопомрачительным и именно помрачительным успехам, лучшие умы Запада и Востока решились преградить путь мировой эпидемии, иссушающей русло человечности⁴. Похоже, русло начинает оживать, увлажняются его берега.

Век назад их было не так много, радетелей Истины, решившихся на поединок с мировым злом, но сила их провидения была столь велика, что мир не мог их не услышать. «Одумайтесь!», «Опомнитесь, пока не поздно!», «Так жить нельзя!» — они били тревогу, опасаясь, что сила тьмы справит тризну по земле, загубит все, позволяющее человеку выживать в самые тяжкие времена. Нельзя сказать, что их призыв дошел до сознания, но мир прислушался, а потом понял, что тревожились они не напрасно. Поначалу их было не много, но у каждого народа — свой глашатай Истины: Толстой —

в России, Тагор — в Индии, Окакура Какудзо — в Японии, Ромен Роллан — во Франции. Братство людей, прообраз будущего, хотя соратники могли не знать друг друга. И все же это было братство, одна семья, объединенная болью за людей. Тагора касалось все; он переживал злонамеренное истребление культуры Ирландии и муки Дж. Бруно. «Я не знаю, как поёшь ты, наставник: Я слушаю в безмолвном изумлении. Ты сделал меня другом тех, кого не знал я доселе. Ты ввел меня в жилища, доселе мне чуждые. Ты приблизил далекое и чужого сделал мне братом». Их голоса слышались с разных сторон и звучали в унисон, один голос эхом отзывался на другой.

На берегу Всемирного океана
Дети собираются⁵.

Они ощущали себя сынами человеческими, чувствовали, как сыны человеческие, ответственность за преступления, творимые на земле, будто слушая голос древних: «Сыны человеческие, доколе отягощаете сердце свое, зачем любите суету и ищете ложь?» [Пс. 4, 3].

Это было время пробуждения Индии. Вивекананда взывал к современникам: «То, чего сегодня ждет весь мир и, быть может, низшие классы больше, чем высшие, невежественные больше, чем аристократия ума, угнетенные больше, чем угнетатели, — это грандиозная идея духовного Единства Вселенной»⁶. В 1893 г. Вивекананда приехал в Америку и на парламенте религий в Чикаго 27 сентября произнес свою знаменитую речь: «Каждый должен проникнуться учением других, не переставая культивировать свою индивидуальность и развиваться сообразно своим собственным законам... На знамени каждой религии будет скоро начертано, невзирая на ее сопротивление: „Взаимопомощь, а не борьба. Взаимное проникновение, а не разрушение. Гармония и мир, а не бесплодные дискуссии“»⁷. Но как

избавиться от тотальной разъятости? Еще Р. Роллан сетовал: «Огромное большинство наших европейских умов запирается в своем этаже Жилища человека, и хотя этот этаж полон книг, пространно повествующих об истории этажей прошлого, — остальная часть дома кажется им необитаемой; они не слышат ни снизу, ни сверху шагов своих соседей минувших веков, которые упорно продолжают жить. В мировом концерте все века, прошлые и настоящие, составляют оркестр и играют в одно и то же время. Но каждый прикован взглядом к своему пюпитру и к палочке дирижера: он слышит только свой инструмент»⁸.

Что-то должно было произойти, чтобы люди услышали друг друга. А пока своими одинокими силами радетели Истины старались сбить пламя мирового пожара и призывали раскрыть двери и окна, снять перегородки национальных и социальных преград, чтобы сообща бороться с бедой. Каждый из подвижников знал, что предотвратить мировой пожар можно, лишь зная Истину и следуя ей.

Но что такое Истина, которой в Индии поклоняются как Богу? И не только в Индии. Можно вспомнить евангельскую максиму: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» [Ин., 8, 32]. По Августину, Истина «не возникает, а остается такой, какова есть, какой была и какой всегда будет» [«Исповедь Блаженного Августина», IX, 10, 24]⁹. Истина, истинно-сущее, истинная реальность — праоснова Бытия, разные философы и мудрецы называли ее по-разному, но суть ее от этого не менялась. Истина — то, что все равно будет. Мир живет по имманентным ему законам, и человеку, плоть от плоти порождению природы, предназначено следовать ей. Если он этого не делает, то теряет связь с миром и рано или поздно отторгается им за ненужностью, уступая место другим, более понятливым, высокоорганизованным существам. Если так случится, то

человек не оправдает своего назначения и его тяжкая История окажется безответной, бессмысленной.

Возомнив себя «вольнотпущенником природы» за-долго до того, как И. Г. Гердер нарек его этим именем, человек привык игнорировать природные законы, и все в мире стало расплзаться по швам. Человек не сразу это заметил, а лишь тогда, когда уже нельзя было не заметить, когда пропасть, разделившая его с миром, стала угрожать его жизни, когда он ощутил себя в этом мире потерянным, ненужным, одиноким, но еще не осознал себя виновником случившегося. Он упрекал Природу, Бога, от которых давно отступился, только не себя. Как же! Царь природы — вне подозрений! Мог ли он — всемогущий, всеблагой — быть причиной собственных недугов? И истово искал причины вовне, посчитав себя жертвой очередного вывиха Истории, на сей раз научно-технического прогресса, пренебрегшего человеческой сутью.

Но философы говорят: каков человек, таков и мир, и каков мир, таков и человек, его создавший. И если нынешняя цивилизация чем-то его не устраивает и он сам ее называет бездуховной, механической, «дьявольской», то остается понять, почему сотворенное им детище таково. Обожествив науку и технику, соблазнившись материальным (строго говоря, тем, чем Сатана искушал Христа), на место духа поставив выгоду, человек удивляется — почему же мир утратил свою духовность. Есть мнение, что иначе и быть не могло, что нравственные потери были неизбежны при задаче покорить природу (победить ее, а не себя). Все происходит за счет чего-то, все требует жертвы. Нужно было высвободить энергию для технического рывка, сулившего удобства и барыши. Но почему же после этого не пришло ощущение внутреннего благополучия? Деньги делают деньги, «люди гибнут за металл» (на удивление Сатане). Если ради прогресса закладывается ду-

ша, то о чем тут говорить! От такого прогресса блага не жди, а жди нечто ему противоположное. Этим были обеспокоены и русские подвижники начала века. О них не принято было упоминать последние шесть десятилетий, хотя русские философы защищали Историю и Человека, веря в разумность Жизни, в присущность Логоса бытию, унаследовав от Толстого и Достоевского их всемирную чуткость.

Для человечества не безразлично, кем и во имя чего создается прогресс¹⁰. Мир сотворенный неизбежно несет на себе печать творца. Думали, во имя прогресса можно поступиться чем угодно, окупится: во имя благой цели, светлого будущего все средства хороши. Но Света не появилось, а стусилась Тьма. Так было во все времена, когда одно приносили в жертву другому, даже не задумываясь над тем, имеет ли кто на это право в глубинном смысле, решая судьбу не только другого человека или народа, но и другого языка, другого обычая, наконец.

Алгоритм, заложенный в машину «прогресса», продолжал действовать на свой лад. Созданные злой волей или подневольным трудом вещи, воплотившие дух своих создателей, сказывались разрушительно на человеке. Вещам не безразлично, кто их творец, какие цели он преследует. Вещи несут на себе образ своего создателя и распространяют вокруг его волю. И потому сама по себе высокая организация труда, скажем, в фашистской Германии не могла обеспечить нормальный тип человеческих отношений.

Простая, казалось бы, истина: не только бытие определяет сознание, но и сознание определяет бытие, — а нелегко дается. Каково сознание, таково и бытие, и мы в этом убедились на собственном опыте. Все в мире едино, и ни одну сторону нельзя умалить, чтобы не пострадала другая. Диалектическое мышление — удел раз-

витого ума, а если его нет, то и диалектики нет, а без нее любая идея мертва, ибо парадокс — закон жизни.

На Востоке не возникли условия для рождения «фаустовской души», истоки которой лежат глубоко — в идее богоподобного человека и богоборчества, в вызове богам и природе греко-римского мира. Если существовало представление о конечном, замкнутом космосе, то не могло не появиться и желания преодолеть эту замкнутость. Если существовало представление об изначальности «власти» (архе) и о необходимости преодолеть косную материю, то оно не могло не привести к тому, к чему привело. Восток сам по себе не встал на путь научно-технического прогресса, там не было научных революций западного типа, позволивших Западу вырваться вперед и диктовать всему миру свои условия. Но проникательные умы Индии, Китая, Японии отнеслись к европейской цивилизации настороженно уже потому, что она утверждала себя силой, и предостерегали против подражания Европе и Америке. То, что европейцу казалось само собой разумеющимся, поражало ум восточного человека. Тагора восхищала мощь европейского ума и богатство европейской культуры, но он видел и бездуховность ее цивилизации: «Запад систематически умерщвляет свою моральную природу в целях заложения прочного фундамента для своих гигантских абстракций производительности... Истина в том, что наука не совпадает с человеческой природой, она есть только знание и умение»¹¹.

Тот тип цивилизации, который приводит к порабощению одного другим, обречен на вымирание, как обречено на вымирание все противоречащее Истине, не укорененное в Бытии, — всякое искусственное образование, не сообразуемое с мировым Путем. И потому такую цивилизацию называли бездуховной, механической и на западный манер — «дьявольской»¹². Подвиж-

ники предупреждали соотечественников, чтобы они не возлагали на нее надежд, ибо успехи ее кажущиеся. «Мы видели, как при всем ее хваленом человеколюбии цивилизация не раз сама оказывалась величайшею опасностью для человека, гораздо более грозною, чем внезапные нападения диких номадов, от которых страдали люди в прежние времена. Мы видели, как цивилизация, гордившаяся своим свободолюбием, создала худшие формы рабства, чем когда-либо прежде существовавшие в человеческом обществе»¹³. Эти строки Тагор написал в предчувствии эпидемии нацизма. Его соратник по духу, японский подвижник мира Окакура Какудзо в своей знаменитой «Книге о чае» (1906) взывал к здравому смыслу. «Моральная геометрия» японцев учит ни при каких обстоятельствах не терять присутствия духа, не нарушать гармонии вещей. Но народы мало пока понимают друг друга, и это непонимание приводит к тяжким последствиям. В главе «Чаша человечности» Окакура вместе с тем дает возможность прикоснуться к таинству красоты, скрытой повседневностью, и ощутить ее единящую силу. «Нормальный человек Запада — лоснящийся самодовольством — видит в чайной церемонии еще одну из тысячи и одной причуды, которые служат ему доказательством наивности, детскости Востока. Он смотрел на Японию как на варварскую страну, в то время как она предавалась мирным искусствам, и он стал называть ее цивилизованной с тех пор, как она устроила кровавую бойню на полях Маньчжурии. В последнее время любят вспоминать о самурайском кодексе (бусидо) — Искусстве Смерти, которое учит наших солдат умирать без оглядки, но почему-то мало кто проявляет интерес к чайной церемонии, которая позволяет судить о нашем Искусстве Жизни. Да останемся мы варварами, если наше приобщение к цивилизации зависит от позорного превознесения войны»¹⁴.

Дальше Окакура Какудзо выходит на мировую арену, и слова его звучат пророчески: «Небо современного человечества в буквальном смысле сотрясается от борьбы Циклопов за богатство и власть. Мир движется вслепую в тени самомнения и вульгарности. Наука продается, потому что совесть и благожелательность принесены в жертву выгоде. Восток и Запад, как два дракона, мечутся в море невзгод, тщетно пытаясь отыскать жемчужину жизни. Нужно, чтобы вновь явилась Нью-ва¹⁵ и залатала разрывы в небе, мы ждем прихода великого Аватары¹⁶. А пока дайте нам спокойно вкушать наш чай и любоваться бамбуковой рощей в бликах полуденного солнца, прислушиваясь к журчанию родника и к шороху сосен, которые чудятся нам в звуках булькающей в котелке воды. Позвольте нам наслаждаться мимолетностью и чарующей бесполезностью вещей»¹⁷.

Окакура Какудзо, вспоминает Р. Роллан, встречался с Вивеканандой: «Ему была еще суждена большая радость. Его посетил знаменитый гость — Окакура (в конце 1901 г.). Он приехал с японским настоятелем буддийского монастыря Ода и пригласил его на будущий Конгресс религий. Встреча их была трогательной. Оба почувствовали свое родство. „Мы — два брата, которые обретают друг друга, придя из самых противоположных далей...“ Оба они, взаимно любя друг друга и признавая величие своего общего дела, знали в то же время, что оно для обоих различно. У Окакура было свое царство — царство искусства»¹⁸.

Зов подвижников не повернул умы к свободе, хотя и заронил сомнение в правомерности существующего. Толстому верили миллионы (не только в России), но мир не встал на путь ненасилия, и Зло свершилось. Зло невиданного масштаба: две страшные, изначально бессмысленные войны подвели итог «Воли к власти», ознаменовав последнюю ступень восхождения или нисхождения помраченного духа, возжелавшего «бес-

конечности», мирового и вселенского господства любыми средствами. Мир был залит кровью, но «бесконечности» не получилось. В хаосе событий еще мало кто мог разобраться, но и мало кто из мыслящих не пережил потрясения.

Историю лихорадило. Она давно уже не следовала естественному пути, а делалась, вершилась в навязанном ритме и, как загнанная лошадь, нуждалась в покое. От нее многие отвернулись, как от дикой, неуправляемой, занесшей их совсем не туда, куда бы хотелось. В наши дни это чувство обострилось.

Что-то с нами творится не то.
Может, выбран неверный путь?
Или где-то вкралась ошибка,
но где и какая?

А ведь все идет как по маслу,
хотя дорожные знаки
ясно говорят,
что мы движемся не туда.

Когда лихорадочный поиск
не вскрыл причину ошибки,
встал вопрос:
а не в нас ли самих причина?

Это стихи Г. Грасса. Казалось бы, куда яснее. Но нет, больше смерти боится человек заглянуть в себя, увидеть, что там, за пределом видимого.

Потом перестали искать,
где ошибка
и в чем ее корень.
Отпала проблема вины
и виновных.
Ибо ясно — все виноваты.
Как никогда, спокойно
идем не туда, надеясь,
что ошиблись дорожные знаки
и все опять обойдется¹⁹.

Историки вещают об «ужасе истории»²⁰. Подвижники предупреждали: если обезличить человека, сделать его орудием, начнется братоубийственная война. «Если вы стремитесь заставить меня заняться избиением человеческих существ, вы должны разрушить во мне целостность человечности путем известных приемов, которые умертвят мою волю, заглушат мои мысли, автоматизируют мои движения, и тогда путем разрушения этой сложности личного человека получится та абстракция, та губительная сила, которая не имеет отношения к человеческой правде и поэтому легко становится грубой и механической»²¹. Прежде чем устраивать мировые боины, нужно было доказать их необходимость, оправдать высшей целью. Во имя Идеи мирового господства перерубить корни, соединяющие один народ с другим, человека с человеком, наконец, человека с самим собой (от Природы его давно уже отлучили, следующий шаг — отлучение от самого себя, каким его природа, приобщенная к Красоте и Разуму, сотворила). Нужно было провести поистине титаническую работу опустошения, уничтожить накопленное веками и хранящееся в памяти, истребить совесть, ум — все, над чем веками работал дух. «Ничего святого!» — значит «Все дозволено!».

Однако ни один нечестивый замысел почему-то не мог осуществиться, хотя для этого все было пущено в ход, приносились без счета человеческие жертвы. Не потому ли, что логика этих замыслов находится в противоречии с логикой еще неведомых нам законов Бытия (не той Эволюции, что зависела от непросветленного сознания, а той, которая от него не зависит)? Низвести сверх меры одно, чтобы возвысить сверх меры другое (по принципу рычага — «или-или»), — чтобы стать абсолютным господином над миром, над всей тварью земною, нужно сделать другого абсолютным

рабом. Такова логика примитивного сознания — если можно урвать, почему бы не урвать; логика тоталитарных режимов, порождаемых обезличенной массой. Эту логику не зря называют «дьявольской», ибо она низводит человека до нечеловека.

Крайности сходятся: абсолютный господин столь же нечеловек, как и абсолютный раб. Но Природа не терпит несуразиц. Не для того она столь долго трудилась над Человеком, положив ему быть ее Мерой, чтобы вдруг лишиться ее навсегда. И потому у нечестивых замыслов по большому счету нет шансов, если, конечно, сам человек не откажется от себя окончательно, не предаст себя и если у Природы не лопнет терпение. Того, кто следует нечеловеческой логике, она рано или поздно отбрасывает как ненужный балласт, мешающий ее живому ритму. Того, кто нарушает Мэру самой природы — положим, кому-то захотелось повернуть солнце вспять (и такое бывало), — она ставит на место. Если и это не помогает, находит себе новую Мэру.

Иначе говоря, обречено на вымирание все то, что не имеет природного оправдания, не следует Истине, не укоренено в Бытии (о чем не ведают вершители социального произвола). Человеку остается осмыслить этот Закон, через «вспоминание», как говорил Платон, ощутить, какую разумную силу он таит в себе, понять, что удерживает мир в равновесии, позволяет человеку выживать, падая, подниматься и продолжать Путь.

Словом, История внушает не только ужас, но и Надежду, даже уверенность в том, что все наладится, если человек познает себя, поймет природу «как бы двойного бытия» — что есть Нечто от него не зависящее, но для него благоприятное. Одни называли это Дао, другие — Логосом, третьи — Законом Эволюции, и все называли Истиной. Собственно, не в слове дело, важно, что Нечто существует, что оно имманентно природе

человека. Нужно лишь научиться внимать этому. Если Истина есть некий объективный закон, порядок вещей, то остается понять и довериться ей. Все непричастное Истине, оторванное от Бытия, лишенное корней и потому неживое, иллюзорное, сколь бы ни казалось могучим, обречено на гибель, а все причастное ей, сколь бы ни выглядело слабым, хрупким, будет жить, ибо укоренено в Бытии. «Неправда, вырастая в могущество, все же никогда не вырастет в правду»²². Такова Воля Бытия, давно алчущего встречи с Волей Человека.

Пережившее братоубийственные войны, потрясенное тоталитарными режимами сознание не могло не задуматься над причинами того, почему общественное развитие не следует путем, предписанным теорией, а поворачивает совсем не туда, куда полагалось бы, что в значительной мере подорвало исторический оптимизм. В то же время разочарование в прежних взглядах заставляет искать выход, вторгаться в тот пласт Истории, который раньше оставался вне поля зрения, хотя и обусловлен человеческой природой. Так или иначе, общественное мнение убедилось, что нельзя безнаказанно попираť законы естественного развития, идет ли речь об экологии природы или экологии культуры. Такие понятия, как честь, совесть, сострадание, способность откликаться на беду другого, более не кажутся анахронизмом, по крайней мере тем, кто еще способен что-то понимать. Чистый рационализм не удовлетворяет человека, ощутившего себя «голым в пустыне», не смотря на изобилие вещей. Внимание к внешнему притупляет внимание к внутреннему, прибыльно вовне — пусто внутри, в результате при внешнем благополучии возникает состояние внутренней опустошенности.

Уже говорилось, что примитивное сознание мыслит по принципу «рычага» — чем выше одно, тем ниже другое, одно существует за счет другого до полного исчер-

пания последнего. А это противоречит законам природы, где все уравновешено. Потому и внешнее благополучие не в радость, если с ним не в ладу душа. Отсюда внутренняя тревога, ощущение неблагополучия Целого. Это может быть и на уровне инстинкта, — можно и не понимать, а ощущать, что что-то неладно. И получается — все, казалось бы, есть, а покоя нет, душа не на месте, томится, как в темнице, и рвется на волю (если, конечно, она осталась, не запродана). Значит, не то душе надобно, и ничего с этим не поделаешь, разве что вовсе от нее отказаться, как уже не раз бывало. Но ничего хорошего из этого не получалось. Если для Фауста как-то сошло (так, по крайней мере, казалось Гёте), то с Леверкюном дело совсем уж плохо: продавший душу теряет разум. Видимо, душа и разум как-то связаны.

Значит, надо полагать, честь, совесть, благородство, чувство собственного достоинства, без которых надеялись обойтись, как мешающих прогрессу («быть, чтобы иметь»), нужны человеку не менее, чем, скажем, органы дыхания или кровообращения, т. е. это не блажь, а проявление психофизической природы. Нравственные моменты выполняют свою функцию в жизнедеятельности целого, и физиология (не говоря уже об экологии) теснее связана с психикой, чем принято было думать до недавнего времени. Возможно, нравы древние, — эти «человеческие» качества имманентны природе, и кто теряет их, теряет связь с Целым, становится изгоем, даже не «блудным», а вовсе не «сыном» (если вовремя не вернется в лоно). И получается, нет у человека другого выхода, как признать онтологическую суть нравственного веления, признать его Законом Бытия и следовать ему, чтобы не выпасть из Целого.

Полвека назад мало кто верил в реальность ненасильственного пути, в жизнь по совести, без войн, без посягательств на свободу, хотя был уже перед глазами пример Индии. Но и сейчас, когда путь ненасилия на-

чинает осознаваться альтернативой «концу света», нет ему полного доверия. Мир слишком долго находился под гипнозом власти, верил в право сильного («победителей не судят»), не имея дальновидения, не мог предположить, к каким последствиям приводит несправедливая победа. Так, видимо, было удобнее — не утруждать свой ум тем, что не сулит прямых дивидендов («а там хоть потоп»).

У Толстого были миллионы последователей, но мир не принял его учения, не был к нему готов — к приятию мудрости ненасилия. Оно все еще казалось проявлением слабости, а слабость презиралась теми, кто полагался на «волю к власти». Ненасилие, в самом деле, бывает двух родов (как и все прочее) — истинное и мнимое: одно — от недостатка силы, другое — от ее полноты. Мнимое, ложно понятое смирение действительно есть признак слабости, малодушия, покорности и рабства. Это не «ненасилие», а «бессилие», не принцип, а безысходность. Так же как сила, произрастающая на рабстве, не есть истинная сила, а есть обратная сторона бессилия.

Похоже, что мир пресытился тем и другим — и насилием, и бессилием — как не соответствующим человеческому Пути. Фаза «отдыха» для ума («сила есть, ума не надо») или завершилась, или близка к завершению. Движущей силой становится Разум, Мысль: «Ум двигает материю» — «mens agitat molem». Говоря словами Вергилия («Энеида», VI, 726–727):

Дух изнутри питает, и всею, разлитый по членам,
Движет громадою Ум и с великим сливается телом.

Кто не приобщится к Разуму, Нусу, Логосу, того уж ничто не спасет. Мир пойдет дальше, за отставшими не вернется: времени для раздумий было достаточно.

Истинная сила не нуждается в доказательствах, за ней следуют без принуждения. Если есть принуждение,

значит нет истинной силы. Подлинное ненасилие — Принцип, Мировоззрение, доступное высокообразованному уму. Истинное ненасилие — удел сильной личности, победившей себя. Пример тому — Ганди, опиравшийся на Истину. «Глубокие корни в моем сознании пустило убеждение, что мораль есть основа всех вещей, а истина — сущность морали. Истина стала моей единственной целью. Я укреплялся в этой мысли с каждым днем, и мое понимание истины ширилось». Опираясь на Истину, на Закон Бытия, на логику Жизни, человек становится непобедимым. И напрасно подвижники, радетели Истины, впадали в отчаяние, видя, что все идет не так. (Предчувствуя приближение Первой мировой войны, Р. Роллан писал в своем швейцарском дневнике: «Я подавлен. Я хотел бы умереть. Ужасно жить среди обезумевшего человечества и видеть банкротство цивилизации, сознавая свое бессилие. Самая большая катастрофа в мировой истории на протяжении веков — крах наших самых светлых надежд на братство народов».) Но жизнь возьмет свое: рано или поздно прорастает то, что таится в недрах человеческой души.

Путь Правды, «следования истине», что Ганди называл сатьяграхой, — путь не жертвы, хотя и может потребовать всей жизни, а истинного видения, прозрения, когда мир открывается человеку. Освободившись от пут неведения, человек начинает ощущать всеединство вещей: все связано между собой невидимыми нитями, и ни одну нельзя оборвать, чтобы не пострадала другая, не нарушилось Целое. Это чувство всеединства неизбежно рождает ахимсу — особое состояние души, не допускающей насилия, что требует высшего бесстрашия и мужества. «Ахимса — всеобъемлющий принцип. Все мы — слабые смертные, пребывающие в пламени химсы (насилия. — Т. Г.)... Человек не живет ни минуты без того, чтобы сознательно или бессознательно не совершать внешней химсы. Уже сам факт, что он жи-

вет — ест, пьет и двигается, — неизбежно влечет за собой химсу, то есть разрушение жизни, пусть даже самое незначительное... Ахимса представляет собой единство всей жизни вообще, ошибка, совершенная одним человеком, не может не иметь последствий для всех». «Для меня ненасилие, — продолжает Ганди, — не просто философская категория, это закон и суть моей жизни»²³.

Исповедующий Истину становится свободным; не-свободен тот, кто не видит других. Насилие по своей природе безнравственно, а безнравственный человек не может быть свободен, хотя может считать себя таковым. Но это превратно понятая свобода, самообман, порождаемый неведением, незнанием того, что есть истинная свобода, к которой извечно устремлена душа человека.

Истинно свободный ум гуманен. Одно порождает другое: просветленность — свободу, свобода — гуманность. У осознавшего иллюзорность пут нет препятствий на пути: ему ничто не мешает видеть вещи такими, как они есть, проникнуться состраданием. «Тот, чье сердце не проникается состраданием при взгляде на любого, кто обладает чувствами, — не человек», — говорил шесть веков назад автор «Записок от скуки» Кэнко-хоси (1283–1350)²⁴.

Значит, устремляясь к Свободе, человечество устремляется к гуманности. Путь к истинному гуманизму — свобода индивидуального, никакой другой Свободы не существует, кроме свободы каждого, которая дается победой над самим собой, над своими страхами и похотями, о чем говорят древние, которые были мудрее нас.

Всякое же насилие порождает лишь новое насилие, как всякое зло порождает лишь новое зло и никогда не становится добром. Древние греки и древние китайцы говорили, что вещи одного рода притягиваются друг к другу: зло к злу, добро к добру, и лишь добро врачу-

ет зло. Разве не ко времени звучат слова Августина: «Ужели любой враг может оказаться опаснее, чем сама ненависть, бушующая против этого врага? Можно ли, преследуя другого, погубить его страшнее, чем губит вражда собственное сердце?» [«Исповедь Блаженного Августина», I, 18, 29].

Ганди открылась высшая мудрость ненасилия: силой не истребить зло, не только цель не оправдывает средства, а средства и есть цель. Благая цель достигается лишь благими делами (благими же намерениями, как известно, вымощен путь в ад). Не проникшись пониманием этого, невозможно ничего понять, и прежде всего — необходимость очищения сознания от самомнения. Ганди находил опору в той традиции, которая не иссякает со временем, ибо укоренена в Бытии. Истина погибает в сетях фанатизма и догматизма (от избытка веры и от ее отсутствия), теряя связь с всеобщим. «Я никогда не делал фетиша из последовательности. Я — поборник Истины и говорю то, что чувствую и думаю в данный момент... Моя цель — не соблюсти верность прежним высказываниям, а быть верным Истине»²⁵.

Собственно, идея следования Истине, Искренности (у японцев эти понятия обозначаются одним словом — *макото*) в критические моменты Истории звучит особенно остро, как, скажем, у Т. Карлейля, который видел в следовании Истине-Искренности путь спасения человечества. Его не зря называли «пророком XIX века». Он писал: «Характерную особенность всякого героя... составляет именно то, что он возвращается назад к действительности, что он опирается на сами вещи, а не на внешность их»²⁶. Поистине «дух живет, где хочет» (*spiritus flat ubi vult*) или где пришло его время²⁷. «Как для каждого отдельного индивида, так и для общества дело сводится только к тому, чтобы открыть истинные регуляторы вселенной, вечные законы при-

роды в связи с данной в каждый момент задачей и действовать в соответствии с ними»²⁸. Разве это не перекликается с тем, что говорят ныне ученые?

Следовать Истине можно лишь при условии полной Искренности: «Я сказал бы, что искренность, глубокая, великая, простодушная искренность и есть первая черта в характере всех людей, сколько-нибудь героических». Но нужен не только герой, «но и мир, достойный его, который не представлял бы одной сплошной массы слуг; в противном случае герой пройдет почти бесследно для мира!»²⁹. (Гёте, кстати, заметил: «Для камердинера не существует героя», а Гегель добавил: «Конечно, для камердинера не существует героя, но не потому, что герой не герой, а потому, что камердинер — камердинер».)

Видимо, Индия, не познавшая «фаустовского духа», была подготовлена к пути ненасилия. Верность Истине, традиции позволили Ганди осуществить задуманное. Невысоко оценивая свои заслуги, он добился, казалось бы, невозможного: призвал народ к ненасильственному сопротивлению и привел его к победе, до толе неизвестной человечеству, к победе прежде всего над самим собой. Сила не могла принести Индии освобождения, а ненасилие принесло, избавив от колониальной опеки и чувства зависимости. Победивший себя непобедим, это справедливо и по отношению к человеку, и по отношению к народу. «И один в поле воин» — Человек сильнее обстоятельств, сильнее системы, если осознал себя, опирается на Истину: над ним Природа поработала дольше, чем над любой из систем. Когда человек поймет это, настанет день его освобождения.

Было немало прозорливых мыслителей, но мало кому удавалось претворить свои идеи в жизнь, как Ганди. Можно сказать, он положил начало новой исторической фазе ненасильственного мира³⁰. Время способствовало успеху. Мир устал от насилия. За последний

Оглавление

ГЛАВА 1. Возвращение	7
ГЛАВА 2. Дао и логос	64
От мифа к логосу	79
Китайская мифология	101
Хаос у греков	116
Хаос в Китае	134
ГЛАВА 3. Что есть истина?	207
Истина-искренность	245
ГЛАВА 4. «Закат Европы» (дух нигилизма)	321
Небытие против бытия	359
Логос в России	373
«Закат Европы» и Россия	389
Конец и начало (Бытие Хайдеггера)	403
ГЛАВА 5. Встреча человека с самим собой	463
«О рабстве и свободе человека» (персонализм Бердяева)	530
Встреча Дао-Логоса (Заключение)	556
Примечания	573